

Флемминг Сплідсбуэль Хансен,
Connections QJ 16, № 1 (2017): 87-97

<https://doi.org/10.11610/Connections.rus.16.1.06>

Рецензированная статья

Джихад по-русски

Флемминг Сплідсбуэль Хансен

Датский институт международных исследований, <http://www.diis.dk>

Резюме: Хотя участие вооруженных сил России в войне в Сирии было предметом большого интереса, меньшее внимание было уделено иностранным боевикам из России и других постсоветских государств, которые присоединялись к Исламскому государству и к другим джихадистским группам. Появление этих джихадистов было постепенным процессом, который начался в 1990-х и привел в настоящее время к ситуации, при которой, по некоторым оценкам, в Сирии воюют около 7000 русских и 3000 выходцев из Средней Азии. Эти числа являются вызовом для разных государств, борющихся с джихадистскими группировками, но еще большей проблемой они являются для российских и других национальных властей, которым придется заниматься этими боевиками, когда они вернутся домой.

Ключевые слова: Россия, Кавказ, Центральная Азия, Исламское движение Узбекистана, уйгуры.

Введение

28 июня 2016 года на главный международный аэропорт Стамбула было совершено террористическое нападение, при котором трое мужчин осуществили самоубийственную миссию. Сначала они начали стрельбу из автоматического оружия, после чего взорвали свои заминированные самоубийственные жилеты. Турецкие власти вскоре идентифицировали троих мужчин как граждан России (Республики Дагестан), Узбекистана и Кыргызстана и предположили, что нападавшие хотели продемонстрировать свою приверженность к Исламскому государству (ИГ).¹ Терракт в Стамбуле явля-

¹ "Istanbul airport bombers were Russian, Uzbek, Kyrgyz: Turkish official," *Reuters*, June 30, 2016.

ется символическим для вызывающего тревогу развития событий, при котором исламистская среда в бывшем Советском Союзе, похоже, производит еще больше приверженцев, чем например, ИГ и Аль-Каиды (АК), которые готовы использовать террор в качестве средства осуществления своего дела.

Исторические предпосылки

Дореволюционная Россия и Советский союз были империями. В результате череды военных побед царская Россия подчинила большое число национальных меньшинств в соседних регионах, таким образом расширяя империю. Особенностью этой экспансии был факт, что колонии напрямую соседствовали с империей и потому существовал относительно свободный обмен людьми между центром и периферией.

Ислам стал частью российской империи в результате завоевания Казани (1552) и Астрахани (1556). В следующие 350 лет страна продолжила развиваться по пути экспансии, что в конечном итоге дало ей контроль над нынешними государствами Азербайджан, Казахстан, Кыргызстан, Узбекистан, Туркменистан и Таджикистан, а также над Северным Кавказом, домом современных российских республик Чечня, Дагестан и Ингушетия. Общей особенностью всех этих областей является то, что большинством их населения являются мусульмане-сунниты, и что ислам играл – и продолжает играть – большую роль в общественной жизни, чем в других частях бывшей империи.

Дореволюционная Россия в целом предоставляла группы мусульманского населения самой себе, и у властей была умеренная амбиция всего лишь несколько реформировать эти меньшинственные культуры. Это изменилось при советской власти, которая попыталась создать нового и улучшенного человека («Хомо Советикус»), применяя политику агрессивного атеизма и «советизации» (на деле «русификации»). Этот новый человек должен был быть просвещенным и потому должен был отказаться от религии в ходе полного разрыва с дореволюционным образом жизни.

Эта политика имела определенный результат, и поэтому религиозные практики в целом исчезали из общественной жизни по мере того, как знание о религиозных делах в обществе постепенно уменьшалось. Так обстояли дела и в регионах с преобладающим мусульманским населением. Там, сочетание беспрецедентных атеистических информационных кампаний (например, в системе образования и в массовой культуре) и подавление религии (например, разрушение мечетей, закрытие *медресе* и увольнение сотрудников администрации, которые принимали участие в нежелательной религиозной деятельности) довели знание ислама до очень низкого уровня. В некоторых областях, однако, некоторый уровень знаний подерживался благодаря нелегальной подпольной деятельности, и на Се-

верном Кавказе, в частности, сохранению старых знаний и традиций способствовали обширные тайные *суфистские* сети.²

Во второй половине 1980-х в Советском Союзе началась политическая оттепель, и развитие событий освободило больше места для религии. Советские граждане с нетерпением обратились к религии, которая стала признаком идентичности для многих, и, возможно, в наибольшей степени для неправославных меньшинственных групп в стране. Это стало существенной тенденцией и в мусульманских областях новой России, а также и в новых государствах с преобладающим мусульманским населением. Знать ислам и быть практикующим мусульманином стало признаком статуса, хотя бы для того, чтобы показать, что человек является «нерусским» в культурном плане. Однако после десятилетий атеизма было не так просто определить во что «мы» верим и какими являются «наши» традиции, и внешний мир тоже начал оказывать влияние на мусульман в бывшем Советском Союзе способами, с которыми у них не было опыта при закрытом советском режиме. Все виды интерпретаций были выложены на религиозном рынке в надежде, что они найдут отклик у озадаченного поиском новой идентичности населения.

Ситуация в России: АК против Исламского государства

Не меньше 20 миллионов людей в России являются мусульманами. В это число входят граждане России (приблизительно 16 миллионов), а также рабочие-мигранты (около четырех миллионов), в частности, из Центральной Азии. Они сконцентрированы в Волго-Уральском районе, на Северном Кавказе, и конечно, в больших российских городах.³ По общим оценкам, в Москве проживает до четырех миллионов мусульман и еще 700 000 живут в Санкт-Петербурге.

Хотя ислам является частью российского общества более 450 лет, в последние 20-30 лет, похоже, наблюдается сдвиг в парадигме общественного отношения к исламу. Раньше ислам был в общем экзотическим феноменом, с которым обычный человек мог познакомиться в литературе, в кино и на экскурсиях, например, по Северному Кавказу. Однако во многих частях страны религия сегодня стала частью повседневной жизни. Строятся мечети, большие и малые, и сегодня мусульмане живут со своими соотечественниками в многоквартирных домах, занимают должности на рабочем месте, учатся в районных университетах и ходят в местные школы и детские сады.

Увеличенное общественное внимание к исламу также обязано общему процессу исламизации, широко понимаемому здесь как формулировка одной или более религиозных альтернатив существующим политическим

² Смотри, к примеру, Alexandre Bennigsen and Enders Wimbush, *Muslims of the Soviet Empire: A Guide* (London: C. Hurst, 1986).

³ Алексей Малащенко, *Ислам для России* (Москва: Центр Карнеги, 2007), с. 10-14.

структурам и нормативным рамкам, и из-за факта, что страна сильно пострадала от «исламского» терроризма. Эта весьма свободная категория охватывает весь спектр, от терроризма, практикуемого нерелигиозными сепаратистами из районов с преобладающим мусульманским населением, до терроризма, используемого радикальными исламистами, пытающимися полностью опрокинуть современное общество как на местном уровне, так и для России в целом, или даже в еще большем масштабе. Определяющим признаком здесь является факт, что в публичном понимании все эти акты происходят из одного и того же места: группы мусульманского меньшинства в стране.

В число некоторых наиболее зрелищных и смертоносных террористических нападений из этой категории входят захват больницы в Буденновске (1995, 121 погибших), захват театра *Норд-ост* в Москве (2002, 170 погибших), захват школы в Беслане (2004, 344 погибших) и теракты в московском метро (2004 и 2010, 40 и 20 погибших, соответственно). Общей чертой этих нападений является их связь с Северным Кавказом, где все еще чувствуется наследие двух чеченских войн (1994-1996 и 1999-2009, соответственно). Это свидетельство жестокости этих двух войн и отчаяния части населения Чечни, в частности, и Северного Кавказа, в целом. Политические репрессии, публичная стигматизация и сложные социальные условия в сочетании как раз и составляют рецепт радикализации.

Воинствующая исламистская идеология стала преобладающей в Чечне и в соседних республиках в конце 1990-х, когда использование террористических методов стало широко распространенным как часть борьбы против России. Характерной особенностью этого первого этапа исламистского терроризма в России было то, что он имел внутренний фокус. Сначала он был связан с первой войной в Чечне, и некоторые из наиболее бескомпромиссных групп хотели отделения Чечни и даже всего Северного Кавказа от России, с последующим образованием исламского эмирата, охватывающего отделившиеся регионы. Секуляристское право хотели отвергнуть, как то и случалось в 1990-х в небольших автономных анклавах на Северном Кавказе, и на его место должно было быть установлено исламское право.

Для многих это являлось крайней мечтой возвращения к более традиционным обществам, которые существовали до того, как советский секуляризм стал частью официальной идеологии, и как утверждалось, лишил мусульман Северного Кавказа их настоящей идентичности. Эту мечту можно было осуществить, продолжалось изложение, только через отделение от России, но Россия не намеревалась сдавать эти районы, и потому нужна была вооруженная борьба. Шамиль Басаев (убит в 2006), Зелимхан Яндарбиев (убит в 2004), Аслан Масхадов (убит в 2005) и Доку Умаров (убит в 2014) являются частью имен того времени.

В 2007 Умаров создал «Кавказский эмират», который до этого был, возможно, наиболее активной террористической группировкой в России,

которая сначала действовала под вывеской самообъявленной аффилиации с АК и служила зонтичной организацией для других более мелких групп. Для Умарова главной проблемой была уже не независимость Чечни, а создание исламского эмирата, охватывающего весь Северный Кавказ. Эта цель постепенно привела его к тому, что он распространил борьбу на другие части России, отдавая приказы на совершение террористических нападений против гражданских лиц по всей стране.

Однако в 2014 году несколько высокопоставленных членов эмирата решили публично заявить о своей поддержке ИГ, чему соответствовало создание так называемой провинции Кавказ ИГ в следующем году. Переход от лояльности АК к лояльности ИГ был мотивирован, главным образом, идеологически и, возможно, основывался на том, что для них более приемлемыми были самопровозглашенная роль и миссия последнего. Это развитие событий привело к ослаблению эмирата, который в настоящее время борется за предотвращение ухода своих членов. Эти проблемы обострились из-за постоянного давления российских служб безопасности, которые в апреле 2015 года уничтожили преемника Умарова, Алиасхаба Кебекова, а сразу за этим, в августе 2015, и преемника Кебекова, Магомеда Сулейманова.

Воинствующие исламисты прибывали как из Чечни, так и из соседних республик, а также существовал постоянный поток иностранных джихадистов, к примеру, с Ближнего Востока, которые хотели оказать поддержку чеченцам и другим народам Северного Кавказа в их борьбе против секулярной центральной российской власти. Многие из этих иностранных террористов пришли с большим боевым опытом, полученным при советской оккупации Афганистана, в гражданской войне в Таджикистане и в разных конфликтах на Ближнем Востоке, и они способствовали тому, что ситуация в России стала более экстремальной. Они обычно приносили с собой черно-белое понимание религии в целом, и ислама в частности, бескомпромиссное отношение к «врагу», а также так необходимые финансы.

Одной из наиболее известных фигур был ибн аль-Хаттаб (убитый в 2002), джихадист саудовского происхождения со связями с основателем АК, Усамой бен Ладеном. В 1980-х аль-Хаттаб воевал вместе с бен Ладеном против советских сил в Афганистане. В сопровождении нескольких из наиболее верных ему боевиков он прибыл в Чечню в середине 1990-х и помог создать в Чечне группу иностранных джихадистов. Для многих аль-Хаттаб стал синонимом интернационализации конфликта на Северном Кавказе, и его профиль в совершенстве подходил для этой роли. Он получил важного союзника, соединив свои силы с подразделением Басаева, который организовал в 1995 году нападение на больницу в Буденновске. Знания и практический опыт Хаттаба в области асимметричной войны обеспечили ему высокое положение в исламистской террористической

среде на Северном Кавказе, и он придавал конфликту еще более непримиримый и насильственный характер.

На этом этапе, однако, не было апокалиптического терроризма, а скорее имели место теракты с тщательно выверенным шокирующим эффектом в асимметричном конфликте с центральной властью. Шокирующий эффект, однако, постепенно усиливался, как в плане выбора мишеней (все больше нападений против гражданских в главных населенных центрах России), так и в плане средств (особенно использование после 2000 года террористов-самоубийц и вербовка большего числа женщин, в частности, печально известные «черные вдовы»).

Сложная ситуация на Северном Кавказе в целом и в Чечне конкретно превращалась в проявления широкомасштабного терроризма, поскольку условия в то время делали это возможным. Российские власти просто не могли заставить регион подчиняться их управлению. Появились большие районы под собственным управлением, в которых центральное управление игнорировалось. Это дало возможность повстанцам на Северном Кавказе собираться, проводить подготовку и использовать эти районы в качестве исходных пунктов для своей деятельности на Северном Кавказе и в других местах России. Это было продемонстрировано в 1995 году, когда Басаев провел конвой из не менее 200 террористов в Ставропольский край и в госпиталь Буденновска. Террористы передвигались почти незамеченными, когда их останавливали на контрольно-пропускных пунктах, они просто давали взятку силам безопасности, чтобы им разрешали продолжать движение.

Когда в августе 1999 на политическую сцену вышел российский президент Владимир Путин, первым своим политическим лозунгом он сделал «вертикаль власти». Его намерением было восстановить авторитет центральной власти во всей России, но главным его приоритетом было возвращение спорных районов Северного Кавказа под управление Москвы. Его бескомпромиссная политика привела к отходу от самоделегированной автономии, имевшей место во многих регионах, а властям были предоставлены дополнительные средства для наложения центрального управления на местном, региональном и национальном уровне. В 2000 году Путин назначил сильного человека, Ахмада Кадырова, главой районной администрации Чечни, и это назначение стало сильным посланием Путина, говорящем о его намерении вытеснить террористов из республики.

Однако в 2004 году террористы смогли убить Ахмада Кадырова в зрелищном теракте на центральном стадионе в Грозном. Поиск преемника Кадырова привел Путина к Рамзану Кадырову, сыну Ахмада Кадырова, и в 2007 году Рамзан стал новым чеченским президентом. Алу Алханов, тогдашний президент, исполнял эту должность временно, пока Рамзану не исполнилось 30 лет, требуемый минимальный возраст для каждого кандидата в президенты. При Рамзане Кадырове было введено железное управление, даже более жесткое, чем при его отце, и большое число ис-

ламистов, мирных или использующих насилие, оставляли республику, чтобы найти убежище в соседних районах (особенно в Дагестане) или даже за границей.

На это развитие событий следует обратить особое внимание, поскольку оно является предпосылкой для нынешнего этапа, при котором еще большее число исламистских террористов оставляет Россию, чтобы присоединиться к джихадистским группировкам, главным образом ИГ, в других местах. Надо дополнить, однако, что хотя российские власти смогли укрепить центральное управление, Россия является объектом террористических нападений почти еженедельно. С российской точки зрения, большинство терактов является относительно небольшими, с малым числом жертв, и они обычно слишком незначительны, чтобы войти в заголовки западных СМИ. Большинство таких нападений совершается все еще на Северном Кавказе, и больше всего от них страдает Дагестан, поскольку чеченский конфликт сейчас находит свое выражение там.

Сирия: новая зона боевых действий для джихадистов

Только в 2012 году международные СМИ начали сообщать о присутствии кавказских джихадистов в Сирии. Одним из первых туда прибыл Рустам Гелаев, сын одного из наиболее могущественных чеченских полевых командиров, Руслана Гелаева (убит в 2004 году). Новость об уничтожении Рустама Гелаева во время битвы за Алеппо в 2012 году стала главным сюжетом, поскольку она впервые показала масштаб присутствия кавказских джихадистов в Сирии.

Сирийский конфликт предоставил российским исламистам благоприятную среду и новое дело. По сведениям российской службы безопасности, ФСБ, не менее 2400 граждан России воевали – или воюют – за ИГ или другие вооруженные исламистские группировки, но российские эксперты оценивают их количество как 7000 человек.⁴ Кавказские джихадисты раздроблены и они воюют не только для ИГ, но и для других группировок с другой идеологией и другими целями. Первоначально, кавказские джихадисты формировали свои собственные небольшие подразделения под командованием более закаленных в боях джихадистов с опытом войн в Чечне. Затем многие из этих малых подразделений были заставлены выбрать сторону и присоединиться к более крупным группировкам. В целом, кавказские джихадисты в Сирии составляют три отдельные группы.

Первая и наиболее хорошо известная группа состоит из джихадистов, которые присоединились к ИГ под командованием харизматического рыжебородого эмира Умара аль-Шишани, этнического чеченца с грузинским гражданством, который прибыл в этот регион одним из первых. Он создал маленькую группу из преобладающе кавказских джихадистов под назва-

⁴ Анонимный российский эксперт, давший интервью в Брюсселе, 22 октября, 2015.

нием *Катиба аль-Мухаджирин*. Скоро он стал внутренней для повстанцев фигурой, так как под его командованием его боевики осуществили несколько успешных нападений против сирийских правительственных сил. Эго популярность привела к притоку людей в его группу, которая разрослась в плане численности и географии. Позже он был назначен так называемым Министром войны ИГ и, таким образом, стал самым высокопоставленным выходцем Кавказа в иерархии ИГ. Несколько раз были сообщения в местных и международных СМИ о смерти аль-Шишани, но скорее всего, он был убит в июле 2016 года, когда о его смерти сообщило ИГ. Несмотря на смерть аль-Шишани, кавказские джихадисты продолжают играть важную роль для ИГ.

Тогда как аль-Шишани решил присоединиться к ИГ, другие ведущие кавказские джихадисты вошли в *Фронт Нусра* (с июля 2016 известный как *Джабхат Фатах аль-Шам*). К примеру, верный приверженец АК, Умаров, специально советовал кавказским джихадистам не декларировать верность ИГ по прибытию в Сирию. Одним из боевиков, который, по-видимому, последовал этому совету, был Амир Сайфулла, хорошо известный чеченский джихадист с боевым опытом из Афганистана и Чечни, который решил создать новую группу в Сирии под названием *Муджахедин аль-Кавказ фи аш-Шам*. Сайфулла был убит в 2014 году, но его группа продолжает воевать вместе с другими небольшими кавказскими группами и группами из Средней Азии, в сотрудничестве с *Джабхат Фатах аль-Шам*, как против сирийского правительства, так и против ИГ.

Есть еще, однако, кавказские джихадисты в Сирии, которые решили не присоединяться ни к ИГ, ни к *Джабхат Фатах аль-Шам*, и которые вместо этого создавали союзы с местными группировками. Одна из причин для этого состоит в том, что многие кавказские джихадисты предпочитают не принимать сторону в конфликте между ИГ и *Джабхат Фатах аль-Шам* и таким образом подвергаться риску убивать своих же кавказских джихадистов. Наиболее важной «независимой» кавказской группой является подразделение Абу Муслим аль-Шишани, которое состоит преимущественно из кавказских, турецких джихадистов и джихадистов из Центральной Азии и которое действует в Северной Сирии.

Война в Сирии выдвинула новое поколение кавказских джихадистов с широкой подготовкой и боевым опытом. Похоже, однако, что они сильно фрагментированы. Присутствие (сейчас мертвого) аль-Шишани было важным фактором для многих кавказских джихадистов, которые решили присоединиться к ИГ. Дома на Северном Кавказе ситуация тоже выглядит благоприятной для ИГ, так как несколько высокопоставленных членов эмирата, как уже было сказано, решили засвидетельствовать свою лояльность ИГ. В настоящее время лидером этих «отколовшихся» джихадистов является Рустам Асилдаров, который подозревается в организации нескольких террористических нападений в России. Считается, что Исламское государ-

ство на Кавказе стоит за большинством терактов, совершаемых на Северном Кавказе.

Джихадизм в Центральной Азии

Что касается постсоветской Средней Азии, из этого региона к ИГ присоединились, по оценкам ФСБ, не менее 4000 джихадистов.⁵ Эти числа, однако, весьма неопределенны. Большинство, похоже, завербовано в Узбекистане и Таджикистане, т.е. в двух государствах, которые в данном регионе в наибольшей степени подвергались террористическим нападениям и которые страдают от сочетания политических репрессий и массовой бедности.

В Узбекистане Исламское движение Узбекистана (ИДУ), в частности, успешно осуществило ряд резонансных терактов, некоторые даже с использованием террористов-смертников. В последние годы, однако, ИМУ перешло в оборону, поскольку узбекские власти смогли вытеснить большое количество воинствующих исламистов через границу в Кыргызстан. Активное повторное минирование узбекскими властями узбекско-кыргызской границы следует рассматривать именно в этом контексте.

Раньше ИДУ присягнуло на верность АК и движению Талибан, но в 2015 году лидер ИДУ, Усман Гази, объявил, что организацию уже следует считать региональным подразделением ИГ. Как оказалось, однако, большинство членов ИДУ не поддержало это переключение лояльности, и между приверженцами Талибана и боевиками Гази разразились боевые действия. После этих столкновений, которые угрожали разрушением ИДУ, некоторые из боевиков ИДУ официально порвали с ИГ и явным образом декларировали свою верность Талибану и АК (смотри работу Шейха в этом выпуске).⁶ Это, очевидно, в значительной степени ослабило ИДУ.

В 1992-1997 годах Таджикистан пережил кровавую гражданскую войну. Исламистские силы, от умеренных до воинствующих, присоединялись к разным секуляристским партиям в широкой оппозиции против существующего порядка. Они, однако, проиграли войну и результатом стало незначительное перераспределение власти между наиболее привилегированными районами страны. Как часть соглашения о мирном урегулировании от 1997 года, таджикский президент Эмомали Рахмон попытался пойти навстречу некоторым из более умеренных исламистских сил и включить их в схему распределения власти. Это соглашение, однако, становилось все более неустойчивым, поскольку исламистские группировки стремились к расширению своей власти вне пределов, которые были им предложены два десятилетия назад. Это было продемонстрировано в сентябре 2015 года, когда заместитель министра обороны генерал Нарзадоза Мирзо, чья

⁵ "Islamic State threat to Russia is real – FSB," *RT*, April 10, 2015.

⁶ Mona Kanwal Sheikh, "Islamic State enters Al-Qaeda's old hotbed: Afghanistan and Pakistan," *Connections: The Quarterly Journal* 16, no. 1 (Winter 2017): 37-49, <https://doi.org/10.11610/Connections.16.1.03>.

должность в кабинете была забронирована для представителя умеренной исламистской оппозиции, организовал ряд терактов в столице Душанбе. Позже Мирзо был убит силами безопасности при попытке к бегству.

До этого в 2015 году тогдашний руководитель таджикских антитеррористических сил, полковник Гулмород Халимов, уехал из Таджикистана, чтобы воевать на стороне ИГ в Сирии. Халимов, опытный офицер сил для специальных операций, прошел обширную военную подготовку в США и его дезертирство являлось для ИГ не только пропагандистской победой, но и повысило существенно военный потенциал этой организации. Условия в Таджикистане затрудняют оценку уровня нелегальной поддержки ИГ. Случай Халимова, однако, дает основания полагать, что под официальной поверхностью существует весьма немалая поддержка ИГ. К этому надо добавить, что говорящие на персидском таджики относительно более привержены к Талибану, и хотя и в меньшей степени, к АК.

Это краткое рассмотрение постсоветской Средней Азии должно включать и тюркоязычных уйгуров мусульманского вероисповедания. После распада Советского Союза многие уйгуры оставили свой дом в Синьцзяне в Западном Китае, пытаясь найти убежище в Кыргызстане и в Казахстане. Эти государства, большинство населения которых являются мусульманским и тюркоязычным, граничат с Синьцзяном и имеют относительно либеральные политические режимы. Считается, что около 500 000 уйгуров приживаются в постсоветской Центральной Азии, и власти Китая оказывают сильное давление на страны региона, чтобы гарантировать, что Китай не превратится в убежище для приверженцев Исламской Партии Туркестана.⁷ Эта партия стремится к созданию независимого и исламского Синьцзяна в возможной ассоциации с тюркоязычными соседями в постсоветской Средней Азии. Неизвестное число уйгур в настоящее время воюют в Сирии и в Ираке, некоторые на стороне ИГ и некоторые на стороне *Джабхат Фатах аль-Шам*.

Заключение

Почти семь десятилетий государственного атеизма стали причиной огромного интереса к религии в странах бывшего Советского Союза. Это, конечно, относится и к мусульманам в этом регионе. Элита, однако, настаивает на отделении государства от религиозной сферы, в результате чего все эти государства, в том числе и относительно консервативный Таджикистан, сейчас определяются как светские. Есть основания считать, что поддержка исламистских идей, и таким образом, ислама в качестве альтернативы существующего порядка, увеличивается. Более того, в рамках этой группы исламистов есть небольшое – но увеличивающееся – число людей, готовых использовать терроризм для достижения своих целей.

⁷ Flemming Splidsboel Hansen, "The Shanghai Co-Operation Organisation," *Asian Affairs* 39, no. 2 (2008): 217-232.

В большинстве частей бывшего Советского Союза власти проводят политику, направленную против радикализации, используя существенный элемент подавления и применения силы. Одной из наиболее зрелищных антирадикализационных стратегий является решение таджикских властей насильственно сбривать бороды молодым мужчинам, чей лицевой волосяной покров можно воспринять как слишком «исламистский». Например, один из районов Таджикистана в 2015 году рапортовал, что были задержаны и подверглись сбриванию бороды 13 000 мужчин, достижение, хорошо задокументированное в обширном наборе фотографий «до и после».⁸ В некоторых местах, однако, исламисты просто «исчезают», и службы безопасности некоторых из этих государств подозреваются во внесудебных экзекуциях.

Для небольшой части мусульман бывшего Советского Союза ИГ было абстрактным идеалом, которое могло вдохновить тех, кто пытается найти новую постсоветскую идентичность с сильной ролью ислама. Для нескольких тысяч этот идеал оказался достаточно конкретным, чтобы заставить их уйти из своего дома и отправиться воевать на стороне ИГ. Такое развитие событий является реальной и вполне законной причиной для озабоченности со стороны национальных властей этих государств, и они опасаются возможного возвращения этих джихадистов. Продолжающиеся преследования исламистов властями в целом могут способствовать превращению этих противоречий в более насильственное столкновение.

Благодарности

Автор хотел бы засвидетельствовать свою благодарность С.П. за его очень полезный вклад в написание этой статьи. С.П. из соображений, связанных с его работой в сфере разведки, предпочел оставаться анонимным.

Об авторе

Флемминг Сплідсбуэль Хансен, доктор, является старшим научным сотрудником и координатором Исследовательского отдела по международной безопасности ДИМИ. До начала работы в ДИМИ он занимал разные должности в представительстве ОБСЕ в Таджикистане, в разных университетах и в датских вооруженных силах. В число его исследовательских интересов входят российская политика идентичности, российские дезинформационные кампании и интеграция на постсоветском пространстве. Флемминг Сплідсбуэль Хансен является заочным приглашенным редактором данного издания, и с ним можно связаться по электронному адресу fsha@diis.dk.

⁸ "Tajikistan Police Shave Nearly 13,000 Men in Their Battle Against Conservative Islam," *Time*, January 20, 2016.